
АННА БЛЕЙК
Чтобы
найти любовь и себя,
ей придется снова
погрузиться
в темные воды.
УЗНИЦА
ЛЕДЯНОГО
ОЗЕРА
18+

Анна Блейк

Узница ледяного озера

Серия «Любовь под прикрытием»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74793986
ISBN 978-5-17-189854-0

Аннотация

Жаклин Бальмон знает о смерти не понаслышке. Ее мать была убита, а она сама чудом спаслась от психопата, которому удалось скрыться. Теперь она учится на профайлера, чтобы разобраться в собственных демонах и поймать убийцу. Отношения – это последнее, о чем она стала бы думать именно сейчас.

Антуан Клей – блестящий молодой адвокат, который переехал в Треверберг ради работы с лучшими. Случайная встреча с Жаклин путает все планы и будит внутри чувства, которые не укладываются в намеченный план.

Содержание

Пролог 8
Глава первая 9
Глава вторая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Анна Блейк
Узница ледяного озера

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Обложка, иллюстрации – Кристина Емельянова

© Блейк А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Возможно все!
Даже если порой
кажется, что это
не так. Интересного
чтения, ключевых
моделей мерам.
Главное - не останавливай-
тесь. И все обязательно
получится.
С любовью,

Пролог

Декабрь 1940 года
Окрестности Парижа

Сегодня особенно болит голова. Боль вспыхивает на затылке и концентрируется в левом глазу, но я упрямо смотрю перед собой. Я уже не здесь. Тело не имеет значения, оно всего лишь глупый проводник, грязный и слабый, созданный лишь для того, чтобы доказать свою приверженность, чтобы пройти длинный путь, в финале которого – рай.

Путь, недоступный и непонятный большинству.

Концентрация боли становится невыносимой, сжимаю зубы так, что они скрипят. Вот-вот раскрошатся. С такой силой работает пресс, с такой силой вдалбливают сваи в каменистую почву, пытаясь построить дом. Закрываю глаза. Непозволительная слабость, но у меня нет другого выхода. Во тьме нет места свету, даже луна спряталась, но я закрываю глаза, чтобы не видеть и намека на блики. Где-то там за деревьями – дом. Где-то там за домом – земля, занятая врагом. Где-то там война, а тут – мы. И лед. И холод.

Идет удушающая зима 1940 года. Мне двадцать.

И уже миллион лет я стою по пояс в ледяной воде.

Глава первая
Парень из прошлого

Жаклин

Август 2008 года,
Париж

– Жаклин, постой, нам нужно поговорить. Это важно. Я зажимаю руками уши, чтобы не слышать слов почти-что-мачехи и бегу от нее через весь дом, надеясь скрыться в комнате, которую некогда считала единственным безопасным местом на земле, но сейчас уже так не думаю. Не чувствую, если быть точной.

– Жаклин!

Да что ты привязалась ко мне, *пигалица*!

Тело простреливает, когда Лиара касается плеча рукой, и я застываю на месте, будто парализованная.

Психичка гребаная. Нельзя так реагировать на обыкновенные прикосновения людей. Сколько лет тебе еще надо отходить к психотерапевту, чтобы научиться спокойно уклоняться от того, что не нравится? Нет, умная до жути, а с собственной реакцией «замри» совладать не в силах.

Класс.

Опомнившись, пассия отца опускает руку и глубоко вздыхает.

– Ты не понимаешь, что делаешь больно *ему*?

Этот вопрос выводит из ступора. Я резко оборачиваюсь и смотрю на нее. Лиара чуть выше меня, и это бесит. Буду ходить на каблуках каждый раз, когда придется возвращаться в этот дом.

Если придется.

– Как будто тебе есть дело до него, а не до его фамилии. Знаешь, сколько я таких видела?

Да, я нагло вру. Рядом с отцом до Лиары я женщин не замечала, если не считать мать. Либо Кристиан Бальмон тщательно скрывал личную жизнь, либо действительно ни с кем не встречался. Лиара ворвалась в нашу семью тогда, когда ее не ждали. Мы с отцом только начали разговаривать, только начали искать друг к другу дорожку, преодолевая застоявшееся молчание и отчужденность, разбираясь с неприятным наследством матери, которая после смерти оставила нам слишком много правды о ее многолетней лжи. Последнее, чего я ожидала, – что он приведет домой девчонку.

Девчонку!

Позвольте представить, дамы и господа (черт, сколько пафоса!), Лиара Эллиот. Мерзавка, которой что-то там около тридцати. Если кто не знал, моему отцу пятьдесят один. Мне – девятнадцать. И… я ее ненавижу.

Лиара спокойно скрещивает руки на высокой груди. Ее каштановые волосы, как всегда, собраны в небрежный пучок, зеленющие, как у кошки глаза, подведены, и теперь она глядит на меня с вызовом сверху вниз. Выше всего на дюйм, а сколько превосходства! Рядом с ней я чувствую себя подростком, лишенным прав и карманных денег, и от этого злюсь еще сильнее.

Я подсыплю ей в кофе слабительное. Честное слово. Вот утром и подсыплю.

– Ты можешь продолжать меня оскорблять, подтачивая терпение Кристиана, усиливать вражду в доме и выставлять себя избалованной малолетней идиоткой. Либо, – она поднимает указательный палец, заметив, что я собираюсь возразить, – протянешь мне руку и позволишь наконец тебя узнать. Я люблю твоего отца. Как бы это ни казалось невозможным или странным из-за разницы в возрасте. Ты ничего не знаешь о наших отношениях и не хочешь узнать, хотя, видит бог, я бы с радостью рассказала. Не верь предрассудкам, Жаклин. Не девушке с синими волосами придерживаться традиционалистских взглядов на институт семьи.

Ее слова трогают что-то в глубине души, поэтому я хохочу в безотчетном стремлении разбить момент возможного перелома.

– Семьи? – бросаю я ей в лицо. – Ты с ним спишь, не более того. Наиграется и бросит. И все будет как прежде!

– Как прежде – это как?

Я осекаюсь. Действительно, как? Его бывшую жену и мою мать зверски убили несколько лет назад, а непосредственно перед этим он узнал, что Анна Перо всю жизнь его обманывала, и я – не его дочь. А до этого мать его мучила, изменяя направо и налево, зная, что он всегда ее примет и развод тому не помеха. Для Анны не существовало таких условностей, как штамп в паспорте. Их связывали вещи намного серьезнее. Общая сеть центров психологической помощи, ее имя одного из ведущих психоаналитиков Европы, его фамилия Бальмон, известная всему медицинскому миру. О, да, их связывали обстоятельства поважнее брака и фальшивой дочери.

Как всегда, мысли о матери настраивают меня на депрессивный лад. Я медленно поднимаю руку и провожу ей по суховатым от вечных окрашиваний волосам. Действительно, синим. Наверное, я уже никогда не увижу свой природный жемчужный блонд, который делает наше сходство с матерью чрезмерным. И я уничтожаю его. Как пытаюсь уничтожить все, что причиняет боль. По меньшей мере, именно об этом твердит психотерапевт.

Надо его поменять.

Унылый старик.

– Мне плевать, – тихо говорю я. – У меня самолет утром. Уеду и забудешь, как меня зовут. Будешь окручивать моего отца дальше, пока он не включит мозги и не выбросит тебя на улицу.

– Я спасла ему жизнь, – с непозволительно мягкой улыбкой замечает она.

Я фыркаю. Прячу за ребячеством внутреннюю боль, вызванную целой смесью чувств, в которую я отчаянно не хочу погружаться.

– И что? Ты врач. Никогда не спрашивала у него, какому количеству людей спас жизнь он?

Я прекрасно знаю, что все это не совсем так. Лиара спасла ему жизнь, оказавшись в нужное время в нужном месте. Неплохой, надо признать, хирург, она действительно вытащила его с того света. Только, глядя на то, как она перешагивает порог нашего дома, я подумала, что как-то это все слишком удачно для нее получилось. Оказаться вовремя рядом, помочь. Как будто само покушение, одно из бесконечной череды в его жизни, было подстроено именно для этой цели. И в этот параноидальный бред поверить намного проще, чем в то, что Кристиан Бальмон в кого-то влюбился. Я не знаю никого бесчувственнее собственного отца. Конкурировать с ним в этом плане могла только мать. И раньше его глаза теплели только при взгляде на меня, а теперь с нежностью он смотрит и на нее.

Это больно.

Из мыслей меня вырывает странное выражение ее лица. Ее глаза увлажняются и Лиара резко отворачивается, прерывая разговор.

– Видит бог, я стараюсь. Когда будешь готова поговорить,

просто дай знать, – бормочет она и стремительным шагом уносится прочь.

А я застываю, не понимая, что делать. Будто в пучине ссоры есть какой-то смысл и ей непременно стоит продолжиться. Я почти минуту стою посреди коридора, не двигаясь даже тогда, когда почти-что-мачеха спускается на первый этаж и скрывается в своем кабинете.

Глупость какая.

Стряхиваю оцепенение и добираюсь до комнаты, посреди которой стоит огромный чемодан. Все мои вещи разбросаны по полу и кровати. Я не мастер сборов. А у меня действительно завтра самолет. Я вернусь в академию и забуду про кошмарный сон по имени Лиара Эллиот на ближайший семестр. Аккурат до Рождества, а может и дольше, если смогу найти достаточно весомый повод, чтобы задержаться в Треверберге и не совать носа в Париж на традиционный семейный прием. Пусть совьют себе здесь гнездышко. Может, отец побыстрее разглядит ее душонку за блестящими глазками и высокой грудью.

Покачав головой, толкаю дверь, и та захлопывается с глухим стуком.

Может, к черту все?

У меня достаточно денег, чтобы купить вещи в Тревербергe. И там еще осталось что-то с прошлого года. Перед кем красоваться? На первом курсе было интересно оценить коллектив, показать себя. Сейчас – нет. Шмотки из парижских

бутиков не поднимут настроения и не помогут перемолоть чувство одиночества, въевшееся под кожу.

Я пинаю чемодан носком ботинка и вздрагиваю от прострелившей ногу боли.

Неудачница.

Психованная.

Всегда такой была.

С возрастом становится только хуже.

Вечер того же дня

Стоя в темной нише, я лениво постукиваю указательным пальцем по фужеру и думаю о том, что нет идеи хуже, чем провести последний вечер в Париже на званом вечере в честь открытия очередного медицинского центра, который спонсирует отец. Подобные мероприятия набили оскомину еще моей матери, но почему-то в обществе считается, что присутствие семьи – обязательная часть сделки. Раньше я возмущалась, пару раз сбегала, но, получив от отца порцию ледяного молчания, приняла решение, что буду терпеть. Ради него. И даже начало нравиться ровно до тех пор, пока мое место рядом с отцом не заняла доктор-кошачьи-глазки Эллиот.

Вот и сейчас Лиара стоит, с изяществом держа в одной руке стакан с соком (мы не пьем алкоголь, видите ли), а другую положив на локоть отца. Кристиан Бальмон при этом бесе-

дует с одним из многочисленных партнеров по бесконечным бизнес-проектам. Это, кажется, хирург, чьего имени память мне решила не подсказывать. Один из немногих, кто на фоне отца смотрится не гномом и не страшилищем, высокий и статный, черноволосый с проседью, он чем-то напоминает самого Кристиана, который в свои пятьдесят один выглядит на сорок максимум.

Счастливчик.

Отец говорит, это семейное.

Я веду себя как малолетняя идиотка, следящая за возлюбленным, который в это самое мгновение разбивает ей сердце с лучшей подругой. Кристиан Бальмон для меня всегда являлся идеалом мужской красоты и мужского темперамента. Сероглазый брюнет, холодный и немногословный, жесткий в делах, он пугал меня до икоты в детстве, а потом, когда мама умерла, стал самым близким и родным, понимающим и чутким. А потом…

Я качаю головой и делаю глоток в попытке заглушить непрекращающийся гомон мыслей. Шампанское успело согреться и я кривлюсь, но быстро беру себя в руки и снова поднимаю глаза на отца. По телу пробегает дрожь, когда наши взгляды встречаются, ведь Бальмон смотрит прямо на меня и, заметив, что я тоже смотрю, кивает. Этот жест может означать только одно: меня приглашают подойти.

А можно нет? Что за глупости. Конечно же от меня ждут привычного послушания, как минимум на людях, потому

что дома я частенько нарушала его запреты и не слушала его просьб. Даже тогда, когда он еще не нашел себе женщину и не привел ее в дом.

Когда я приближаюсь, Лиара тепло улыбается, как будто утреннего разговора и не было, а отец просто переводит взгляд на меня, как и его собеседник.

– Бог мой, Кристиан, неужели это и правда Жаклин?

– Дорогая, ты помнишь доктора Анри Клея?

– Добрый вечер, – бормочу я, стараясь придать лицу учтивое выражение. Я не помню этого мужчину, но знаю о нем. Известный хирург, друг отца, он редко бывает в Париже. Не помню, когда мы виделись в прошлый раз, но мама еще была явно жива. С его семьей нас связывает одна в какой-то степени веселая история о несостоявшейся помолвке наследников династий.

Но кто об этом сейчас вспомнил бы, правда?

– Мадемуазель Бальмон, – опомнившись от изумления, произносит хирург, церемонно целуя руку.

Ох уж эти великосветские приемчики. Я выпрямляю спину и натягиваю на лицо вежливую улыбку. Надеясь, что со стороны она не кажется оскалом.

– Жаклин учится в Треверберге, – зачем-то говорит отец.

– Не знал, что там сильная медицинская школа.

– Я учусь не на врача.

Из-за наступившего молчания хочется сбежать, но я настолько привыкла к неловкости за свои девятнадцать лет, что

продолжаю мило улыбаться, глядя в темные глаза доктора Клея, чей взгляд буквально вгрызается в мое лицо. Видимо, он хочет сказать что-то в духе «наследница медицинской империи решила не продолжать династию», но почему-то молчит. Такт берет верх на предрассудками? А я вспоминаю о том, что его сын тоже не пошел по стопам отца, и, кажется, это послужило причиной многолетнего конфликта.

– Ты можешь рассказать, – с неожиданной улыбкой возвращает всеобщее внимание к себе отец, и в этот момент на короткое время меня даже перестает бесить тонкая рука Лиары, по-прежнему цеплявшаяся за него так, будто он может убежать.

Ведь сейчас он смотрит на меня как прежде. С нежностью, заботой, даже гордостью. Но чем гордиться? Я еще ничего не достигла.

Только первый курс и даже не с отличием.

– Я учусь в полицейской академии Тревербера, на факультете профессора Карлина. Профайлинг, доктор Клей.

На этот раз никакая выдержка не помогает ему скрыть удивление. Мужчина оторопело замирает, глядя мне в лицо так, будто только сейчас замечает синие волосы. Ну да. Такой вот странный профайлер, и что? Двадцать первый век на дворе, мне скоро двадцать, могу делать все, что хочу. Через год с хвостиком и вообще стану полноценным членом общества.

– Удивительный выбор.

– Ее выбор, Анри.

Надо было придумать семейную легенду, которая бы красиво аргументировала происходящее, но как-то мы не подумали об этом. Решение я приняла импульсивно, но железно, отец согласился и до сегодняшнего дня на публике ни с кем его не обсуждал. Интересно, что изменилось. И при чем тут Тревербер?

– Антуан бы оценил, – внезапно усмехается доктор Клей и улыбается моему отцу так, будто произнес только им двоим понятную шутку.

– Что я должен оценить?

Я вздрагиваю и разворачиваюсь на голос. И, кажется, впервые за этот вечер молчу не потому, что мне нечего сказать, а потому что милосердный Бог лишает меня дара речи.

Аллилуйя.

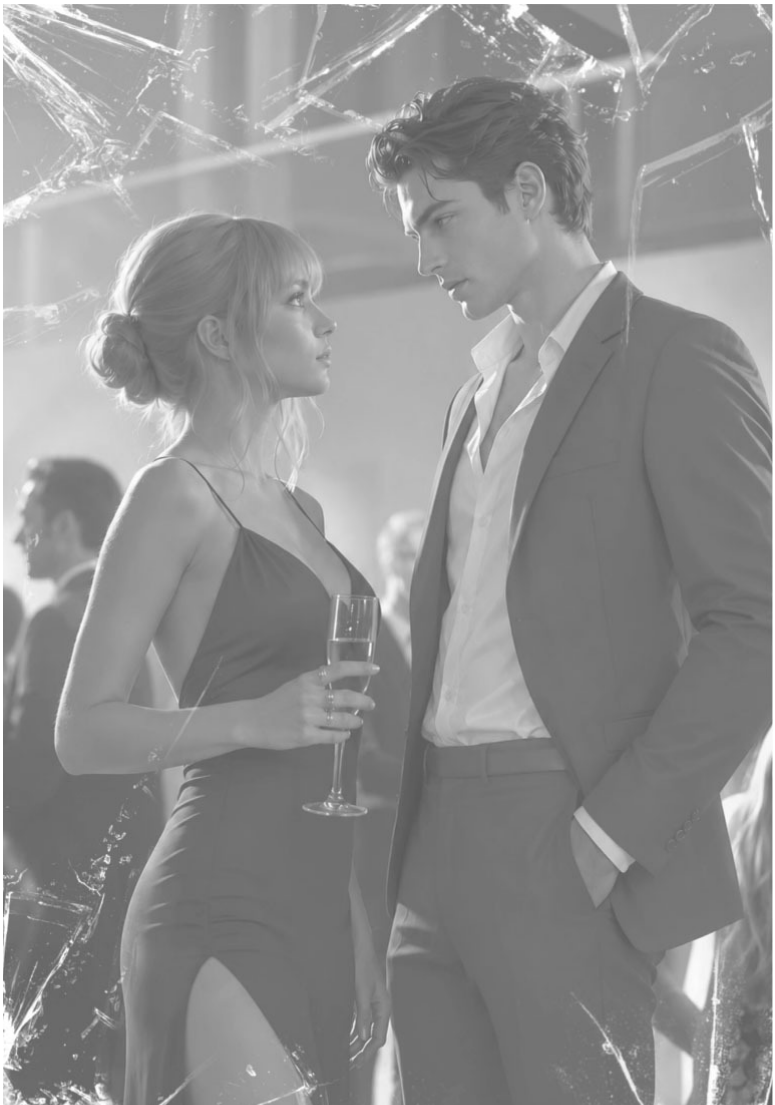
– Две минуты назад ты возмущался из-за того, как изменилась Жаклин, но, бог мой, это Антуан? – нарушает остекленевшее молчание Бальмон. – Добро пожаловать в Париж.

О, да, он озвучивает все то, что мне не под силу. В памяти стремительно встают картинки из прошлого.

Нескладный подросток, огрызающийся на каждое слово своего отца, хмурый и необщительный, с которым меня заставляют танцевать, ведь это «так мило». Мне восемь, ему четырнадцать с половиной – и эта половина чертовски важна в том возрасте! – и мы ненавидим друг друга так, как только можно ненавидеть, когда ты хочешь играть, а не развлекать

родителей на очередном торжестве, где в гости к твоей семье со всего мира съезжаются незнакомые тебе люди. Антуан тогда доверительно сообщает мне, что намерен подпортить настроение своему «папаше», но мысль не расшифровывает. А потом мы теряемся на долгие годы, слишком принадлежащие собственным семьям и демонам, чтобы думать о тех, с кем когда-то было неплохо поругаться и помолчать.

И вот сейчас передо мной стоит молодой мужчина, высокий, с идеальной осанкой, будто последние десять лет он провел, занимаясь бальными танцами или гимнастикой, с эталонно подстриженными иссиня-черными волосами и глазами такими светлыми, что в них больно смотреть.

На его лице такая же дежурная улыбка, как на моем. Только держится он явно увереннее. Опытнее.

Он же старше. Почти на семь, мать их, лет.

– Герда, ты ли это?

Я усмехаюсь, пряча за этим не вполне дипломатичным жестом собственную растерянность.

– Все выкладываешь свою вечность?

Гердой он много лет назад называет меня за жемчужные волосы. Смеется, что до Снежной королевы я еще не доросла, а вот мелкая девчонка из меня хоть куда, даже играть не надо. Я тогда отвечаю, что он настоящий Кай, такой же бесчувственный и зацикленный на неведомой мечте. И как только додумываюсь в восемь лет?

– Добрый вечер, месье Бальмон, – учтиво здоровается Антуан, приближаясь.

Отец с улыбкой жмет его руку.

Происходящее отрывается от реальности, и я застываю в невозможном балансе между внутренним миром, полным вопросов и воспоминаний и приемом, на котором, как всегда, слишком много людей. Я не могу думать, лишь смотрю на тех, рядом с кем вынуждена находиться, теряюсь под взглядом отца, замираю, отвечая на учтивую улыбку Клея-младшего, злюсь, когда чувствую, как внимательные глаза Лиары изучают мое лицо. Она явно думает, что знает меня лучше меня самой, ведь она тоже женщина и не так давно

была юной, ведь она может меня понять – в отличие от отца. Мне ее дружба не нужна, и я легко поворачиваю голову, чтобы рассмотреть Антуана, но тот уже натягивает маску вежливости и глядит на Бальмона.

– Это доктор Лиара Эллиот, моя невеста.

Моя… *что*? Я, конечно, рада шутить про «почти-что-мачеху», но искренне не допускаю возможность, что Кристиан Бальмон женится во второй раз. Должен же он сделать правильные выводы из первого брака? Одна молоденькая красавица его уже обманула, зачем повторение?

Конечно, Лиара ни в чем не похожа на мать, но я не могу поверить и не верю в искренность ее намерений. Отец потрясающий, любая бы потеряла от него голову, но с большей вероятностью – от его денег и влияния. Она врач. Стать женой Бальмона для врача в нашей стране все равно, что обеспечить себе карьеру до глубокой старости.

Слишком выгодный союз для искренней любви.

Я поворачиваю к ним лицо так резко, что чуть не роняю шампанское. Встречаюсь глазами с Лиарой и наконец понимаю все. Понимаю, зачем она пыталась поговорить, что хотела сказать. Она улыбается и в этой улыбке нет ни торжества, ни надменности, но мне стало бы значительно легче, если бы она проявила свою натуру прямо сейчас.

Я вижу перед собой молодую, несомненно, красивую, хотя и напрочь лишенную глянцевого лоска высшего света молодую женщину. Она ему не ровня. Ни в одном из смыслов.

Господи. Смотреть на отца сейчас слишком больно, поэтому я перевожу взгляд на доктора Клея-старшего, улыбаюсь, вложив в эту улыбку все доступное самообладание. Я не выдержу, если услышу фальшивые поздравления гостей.

– Извините. Мне нужно отойти. Антуан, рада встрече. Доктор Клей. Доктор Эллиот. Отец.

Я ухожу прежде, чем получаю ответ или формальное разрешение покинуть торжество, скрываюсь в туалете, где швыряю фужер о пол, напугав какую-то девчонку, и застываю, глядя на себя в зеркало.

К черту.

Пусть кошечка подавится отцовскими деньгами. И, когда она покажет истинное лицо, может, он подумает о том, что стоило вести себя по-другому. Мог хотя бы поговорить со мной! Хотя бы предупредить. Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, была ли хоть одна попытка разговора с его стороны за это лето.

Нет! Просто не посчитал нужным сделать то, что явно собиралась она.

Почему?

К дьяволу.

Такси приезжает через десять минут. Еще за полчаса я проношусь ураганом по дому, не заботясь о том, чтобы оставить за собой чистоту. Собираю все важные вещи, бросаю в рюкзак шкатулку с маминими драгоценностями, свои тетради с записями, которые когда-то имели значение.

Наверное, надо бы написать пафосную записку, но вместо этого я скидываю со стола на кухне вазу с цветами, которую только вчера там разместила Лиара. Отец все поймет, если увидит.

Хотя кого я обманываю? Он уже все понял. Только ему плевать. Он одурманен.

Я приезжаю в аэропорт за десять часов до вылета. Но лучше отсидеть задницу в неудобном кресле зала ожидания, чем встретиться с той, которая всего за год уничтожила то, что мы с таким трудом выстраивали. Я с тихим вздохом снимаю блокировку телефона, открываю приложение с книгами и погружаюсь в чтение. Фрейд сам себя в памяти не освежит, а без психоанализа хорошим профайлером мне не стать.

– Присяду?

Телефон выпадает из рук, но разбиться не успевает – его перехватывает мужская ладонь.

– Антуан, – выдыхаю я, повернув голову.

Это действительно он. Уже не такой идеальный, слегка взъерошенный и раскрасневшийся. Но он. Успел переодеться в джинсы и футболку, умудрившись при этом не растерять ни грамма элегантности.

– Привет. Теперь ты вполне себе тянешь на Снежную королеву.

Я фыркаю.

– Ты слишком стар для этой фигни. Сколько тебе? Лет сто?

Он возвращает мне телефон и смеется. Ощущение такое, будто, кто-то набрасывает на плечи теплый плед и дает прямо в руки чашку с какао с зефирками.

– Сто шесть. Что случилось, Жаклин?

– Что ты делаешь в зале ожидания аэропорта?

– Лечу домой, – он кивает на небольшой черный чемодан, который я не замечаю, ошарашенная его появлением. – Вижу, знакомая синева.

Я молча смотрю ему в лицо. Антуан улыбается, но, перехватив взгляд, становится серьезным. Чуть склоняет голову, глядя исподлобья. Боги, какие у него глаза. Почти как у моего отца, серые, буквально серебристые, зрачки-точки, окантовка стальная, контрастная. Такие глаза можно только рисовать, их не бывает в реальном мире. Генетика сошла с ума, и в нем все перепуталось. Черные волосы, серые до белизны глаза, светлая кожа, почти фарфоровая. Ее портит лишь дневная щетина, и только благодаря этому недоразумению я верю, что передо мной человек, а не моя личная галлюцинация.

Охрененно красивая галлюцинация.

– Ладно, ты права, – сдается Клей. – Я поехал за тобой и решил, что, раз так, и мне можно поторчать до вылета восемь часов. Ты переехала в Тревербер?

– И ты?

– Но почему?

– Мы так и будем задавать друг другу вопросы, не давая

ответов?

– Да, есть вещи, которые не меняются. У тебя все такой же дрянной характер, – припечатывает он. А я думаю о том, что по-французски молодой человек говорит с легким британским акцентом.

– А ты все тот же хмурый мальчишка.

– Ой ли?

Антуан мимолетно улыбается. Снова.

Черт.

– Не верю, что ты сбежал с жутко пафосного приема только потому, что ушла я. Там же собрался весь медицинский мир. Куча инвесторов и важных шишек. Обычно все терпят до посинения, только бы завести полезные знакомства.

– Я не все, – спокойно отзывается Клей-младший, и я затыкаюсь.

Чтобы сгладить неловкость, сую телефон в сумку и откидываюсь на спинку сиденья, которое никто в здравом уме не назвал бы «креслом», хотя сотрудники аэропорта именовали именно так. Бизнес-класс, ультракомфорт, все дела.

Вранье и маркетинг.

– Прости. Дрянной день.

– Да вижу.

Он не развивает тему, молчу и я. Я вытягиваю ноги, скрестив их в голенях, стараюсь расслабить спину, но не получается. Мысли невольно возвращаются к одному единственному слову, которое успел бросить отец.

Не бросил. Произнес. С радостью! С гордостью. Боже, да он весь светился от счастья, если вообще эта фраза применима по отношению к Кристиану Бальмону. Я качаю головой, отгоняя навязчивый образ и с удивлением понимаю, что на глаза наворачиваются слезы. Только этого не хватало!

– Расскажи мне.

Оказывается, все это время Антуан совсем нетактично рассматривает мое лицо. И не скажешь, что он из такой семьи. Где его манеры?

К черту манеры.

К черту весь этот лживый мир.

– Это неинтересно и долго.

– Я никуда не спешу, а в аэропорту нет достойных развлечений.

– Ты всегда такой упрямый?

Он хмыкает, кажется, чувствуя себя вполне свободно.

– Я же смог переупрямить собственного отца и поменять Сорбонну на Оксфорд.

– Да вы бунтарь, месье Клей?

И снова эта белозубая улыбка и ямочка на щеке, бог мой. Сама не замечаю, как улыбаюсь ему в ответ. Откуда в нем столько жизнерадостности? Или все это лишь маска? Вспомнить бы, чем именно прогневал сынок своего отца, когда отказался от судьбы врача. Может, улыбаться – его профессия и он успел освоить ее в совершенстве?

– Ты ушла сразу после того, как месье Бальмон предста-

вил нам свою невесту. В ней дело? Банальный сюжет из банальных романов? Ревность и противостояние с мачехой?

Вот это он зря.

– Пожалуй, это не твое дело. Кай.

Он склоняет голову набок, улыбка исчезает так же внезапно, как появилась, и я наконец могу рассмотреть выражение его глаз. Мертвенно-холодное, бесчувственное. Цепкий и оценивающий взгляд. Я уже видела подобный и не раз.

– А я не осуждаю. Я же переживал подобное, забыла? Отец ушел от нас к своей аспирантке. Ему было сорок, ей двадцать пять. До сих пор счастливы в браке.

Последняя ремарка была лишней.

– Ему за пятьдесят. Ей – тридцать.

– Один ноль в твою пользу. Твоя ситуация конечно же значительно трагичнее. Сочувствую, Герда. Чем будем спасаться? Тонна мороженного, топпинги и слезливые сериальчики?

Невольно смеюсь. Ладно, окей, ему удается вернуть мое расположение. Я расслабляюсь, переставляю сумку на чемодан и разворачиваюсь в кресле к нему лицом. Антуан, все это время сидевший, опершись о колено, выпрямляется и вздергивает голову так, будто я вдруг попыталась его поцеловать, а он решил строить недотрогу. Нарисованная воображением картина столь нелепа, что я снова смеюсь. И его глаза тут же вспыхивают, растеряв всю холодность. Он поднимает руку и проводит пальцами по волосам, отбрасывая темные пряди

назад.

– Вот, – комментирует мой смех Антуан. – Наконец-то.

– Когда мы виделись в прошлый раз, ты отдавил мне ногу и убежал.

– У меня был пубертат, а тебя навязали родители.

– А сейчас ты бросил всех на вечеринке и примчался за мной в аэропорт, уж не знаю, действительно ли у тебя самолет или ты спешно решил куда-то полететь. У меня только два комментария. Какого черта ты творишь? И «спасибо».

Он протягивает мне руку ладонью вверх. Я гляжу на нее, не понимая, и тогда он пару раз сжимает кулак, приглашая прикоснуться. Я повинуюсь и его пальцы осторожно обхватывают мои. Прикосновение, но мне не хочется убежать или спрятаться. Я не чувствую ничего, кроме тепла и уюта. И от этого ощущения тоже хочется плакать.

– Чтобы тебя ни расстроило, это не должно портить вечер. Меня вообще не должно было там быть, отец настоял.

Приятно-то как. Моя рука в его и этот взгляд глаза в глаза. Мы не виделись кучу лет, повзрослели. Я успела похоронить мать, узнать, что я не дочь своего отца, чуть не погибнуть от руки психопата в ледяных водах озера под Парижем, обрести и потерять отца и поступить в полицейскую академию. Чем занимался он? И когда он успел превратиться в… себя?

Через несколько минут он осторожно забирает руку, напоследок сжав мои пальцы, и приваливается спиной к сиденью, вытянув ноги и закрыв глаза. Я улыбаюсь, достаю теле-

фон и открываю программу для чтения. На душе еще скребут кошки, но убивать уже не хочется.

Глава вторая
Кофейня у здания суда

Жаклин

Накануне
Пти-Мулен-де-Серне, окрестности Парижа

Как это глупо, как это по-детски, как это не похоже на ту, которой суждено стать единственной наследницей рода Бальмон, но я снова и снова приезжаю в Пти-Мулен-де-Серне, зная, что еще долго не предоставится подобной возможности, ведь зимой я вероятнее всего не рискну нарушать мрачное единение лесного озера.

Я каждый раз являюсь сюда, чтобы заставить себя вновь и вновь пережить тот момент, когда я, шестнадцатилетняя девочка, неспособная никому причинить вред, нашла в себе силы, чтобы почти убить человека, пытавшегося уничтожить меня. Это озеро в какой-то степени открыло мне глаза на саму себя тогда и снова открывает каждый раз, будто даруя безмолвное разрешение быть собой, какой бы я ни была на самом деле, как бы ни отличалась от той, кем должна стать, повинуясь гнету фамилии и семьи.

В тот момент, когда я оказалась на границе жизни и смерти, отец предстал перед моими глазами не просто спасителем, я по-настоящему увидела в нем того единственного человека, которому действительно есть дело до моего будущего, того единственного, кто незримо присутствовал в моей жизни с рождения. Да, может быть, его внимания всегда не хватало, может быть, он должен был уделять мне больше времени, но, сколько бы я ни рылась в памяти, не могла найти неприятных моментов, связанных с отцом. Как бы моя мать ни издевалась над ним, как бы ни обманывала, со мной он всегда старался держаться с нежностью, даже если – теперь я это отчетливо вижу – мечтал скорее уехать и выбросить из своей жизни бывшую жену и все, что с ней связано.

Я его до безумия любила. И тогда я думала, что он меня тоже.

Для всего мира он остается несокрушимым идолом, олицетворяющим сами понятия «власть» и «богатство». Его боготворят и ненавидят, на него охотятся, мечтают видеть в списке гостей любого мало-мальски значимого торжества, снова и снова пытаются убить. Люди готовы лишиться всего ради его расположения. Они готовы предавать, красть для него секреты своих компаний и даже семей, они верят, Кристиан Бальмон обеспечит будущее каждому, кого посчитает полезным. Безусловно, ему это под силу. Но хочет ли? Но должен ли?

Я всегда считала себя его дочерью и, когда вскрылась

правда о том, что моя мать родила от другого мужчины, долго не могла с этим смириться. И все-таки Кристиан принял меня. Более того, он поверил в меня, он показал мне силу своей любви, отцовской, той прекрасной, невероятной любви, которую настолько же израненные люди, как я, просто не заслуживают и не способны принять.

Я сбрасываю кроссовки и встаю в воду, со страхом перед которой совладать не удается до сих пор, несмотря на все усилия, а, видит бог, я стараюсь. Захожу глубже, застываю, прислушиваясь к ощущениям в теле и душе. В ответ слышу только тишину. Здесь никого нет, здесь не осталось даже полицейского ограждения, ни одной из найденных костей, ничего! И всё-таки мне кажется, что именно в Пти-Мулен-де-Серне зарыт ответ на самые важные вопросы, которые произносить вслух по-прежнему страшно.

Что с ним стало?

Как он сбежал?

Смог ли он выбраться из страны?

Жив ли? *Почему я?*

Что на самом деле произошло той морозной ночью у озера?

Почему мне кажется, что память играет со мной в дурную игру? Почему мне кажется, что на самом деле эта история не настолько линейна? Почему каждый раз, оказываясь здесь, я не верю в полицейские заключения?

Ален не мог убить четверых. Мне он говорил, что я пер-

вая. А что, если полиция ошибается?

А что, если ошибаюсь я?

Раздается уханье совы. Я вздрагиваю, неловко переступаю с ноги на ногу и, поскользнувшись, чуть не падаю в воду. Взмахиваю руками, пытаясь сохранить равновесие, и оглядываюсь. В это мгновение кажется, что лес жив, под ветвями деревьев затаился убийца, в лапы которого я пришла сама, будто хочу, чтобы он завершил начатое три с половиной года назад.

Никого.

Я наклоняюсь, черпаю ладонями воду, брызгаю в лицо. Снова застываю, прислушиваясь к ощущениям. Страшно? Нет. Немного холодно, ведь в этом озерце вода всегда холодная, даже в самую яростную жару. Кажется, сегодня я становлюсь еще сильнее, преодолевая привычный страх. Никто не выскакивает на меня из-за деревьев, не нарушает единения и не угрожает жизни. Здесь нет никого, страшнее меня. Злая душа этих мест спрятана в теле прекрасного юноши, которому удалось сбежать.

– Я тебя найду, – обещаю я невидимому собеседнику, выбираюсь на валун, к которому меня когда-то прижимали, кладу руку на шершавый камень и прикрываю глаза.

Камень, в отличие от воды, еще хранит тепло августовского вечера. Незыблемый, он видит прошлое. Он – свидетель того, как Франция превращалась в могучую империю, а потом теряла все, ради чего сражались десятки поколений.

Грустно, наверное, наблюдать за тем, как рушится мир.

Подбираю кроссовки и босиком шагаю в сторону дороги, туда, где стоит папин «Порше», туда, где когда-то Бальмон меня нашел, дрожащую, слабую, в мокрой разорванной одежде. Машина призывно моргает, я забираюсь на водительское сиденье, пристегиваюсь и завожу мотор.

Нужно возвращаться, пока отец не начал волноваться. Теперь он позволяет мне брать машину, но каждый раз с нетерпением ждет возвращения.

Я грустно улыбаюсь. До чего мы докатились, ищем заботу в родительской опеке.

Завтра последний день – и мне снова предстоит уехать, и он и его новая женщина смогут посвятить себя друг другу всецело.

Без ненужных взбаломошных помех.

Два с половиной месяца спустя, октябрь 2008 г
Тревербер, университетский район

– Правда ли, что по мере роста народонаселения увеличивается и количество серийных убийц, профессор?

Какой глупый вопрос. Его задает конечно же Барбара. Эта рыжая бестия делает все, чтобы привлечь к себе внимание преподавателя, ради которого, если верить ее словам, приехала в Тревербер и поступила в Тревербергский университет, вернее, в Высшую школу Следственного дела. Тут мы

и познакомились в первый учебный день год назад. Тут и подружились. Но это не значит, что ее вопросы меня не бесят! Барбара ставит подбородок на ладонь и неотрывно смотрит вниз, на преподавательский стол, за которым стоит Марк Карлин. Свободной рукой она играется с прядкой волос. Образ завершают зеленые глаза с невероятными стрелками и поджатые губы, которые она принципиально не красит.

Профессор медленно переводит взгляд в нашу сторону, смотрит на меня без улыбки, скорее, с холодностью, и сосредотачивается на Барбаре.

– Считается, что общий баланс неизменен, мисс Рув.

– Но тогда убийств должно стать больше?

– Их и стало больше, – Карлин щелкает кликером, и на экран выводится ужасающего вида диаграмма. – Как вы видите, по мере роста населения нашего города общий параметр – одиннадцать целых и одна десятая убийств на сто тысяч людей населения – сохраняется. И это высокий показатель. В абсолютном значении убийств становится больше. За прошлый год было возбуждено сто сорок семь уголовных дел по статье предумышленное убийство и производным, из которых двадцать два убийства не раскрыто, еще шесть относятся к серии, завершившейся в ноябре, когда был пойман преступник. На текущий момент аналогичных уголовных дел возбуждено сто тридцать четыре, мы с вами видим отчетливую тенденцию на увеличение, особенно, если учесть ожидаемый всплеск перед Рождеством. И при этом,

прошу заметить, в предложенной статистике нет дел о пропавших без вести, которые с определенной вероятностью будут переквалифицированы в «убийства» в свое время.

– С этим можно что-то сделать, профессор? – с самым невинным видом хлопает ресницами Барбара.

Интересно, что мне хочется больше, убить ее или расцеловать? Мне бы ее талант так беззастенчиво флиртовать с женатым мужчиной. Карлину исполнилось сорок два, он великолепно выглядит и кажется намного счастливее, чем тогда, когда я увидела его впервые в связи со смертью моей матери. Знаменитый профайлер, он много лет консультирует, открыл целый отдел в рамках полицейского управления, а два года назад и собственный факультет, который подготавливает профайлеров, медиаторов и консультантов, а также ведет курсы повышения квалификации для психиатров, клинических психологов и психоаналитиков, специализирующихся на девиантном поведении.

– Все социальные программы и меры поддержки направлены на это, мисс Рув.

– Я не о том. Можно ли сделать так, чтобы серийных убийц вообще не было?

Карлин обходит стол и опускается на его край, скрестив длинные ноги в голенях, складывает жилистые руки на груди и теперь уже прямо смотрит на Барбару. Его темные глаза остаются бесстрастными, будто он разговаривает не с вопиюще-красивой девушкой девятнадцати лет, а с коллегой

по цеху. Удивительное самообладание, если учесть, как она крутила перед ним хвостом в прошлом году. А ведь разница между ними почти такая же, как между моим отцом и Лиарой. Только вот Карлин женат, если я ничего не путаю, на ровеснице. А мой отец решает омолодиться. Или поддался чарам.

Или просто меня злит.

– В научном сообществе много споров, есть исследования, направленные на выявление «гена убийства». Но я не разделаю данный подход и точно не приветствую купирование «проблемы» в перинатальный период. Более того, скажу так. Склонность к убийству такого характера, которую проявляют многие так называемые «маньяки», и гениальность лежат на двух концах одной и той же прямой. Важны не только гены. Критично воспитание и то, как человек справляется с травмами.

– Разве это не противоречит множественным случаям, когда дети из благородных семей начинали убивать?

Профессор улыбается. В аудитории так тихо, что я слышу дыхание парня, сидящего через ряд от нас.

– На эту тему жду от вас доклад к следующему семинару, мисс Рув. Интересно, что вы нам поведаете. Лекция окончена, увидимся через неделю.

Барбара надувает губы, но не возражает. Тихо ругается себе под нос и смотрит на меня.

– Вот так всегда! – заявляет она, пользуясь поднявшимся

гамом. – А я просто хотела поговорить.

– Пора бы привыкнуть, что с Карлином «поговорить» не прокатывает, подруга, – отвечаю я, ухмыляясь. В прошлый раз незапланированный реферат достался мне. И мне пришлось провести все выходные, изучая серийных убийц типа «спринтер», узнала много нового, перелопатила несколько дел из архива Тревербергского управления. Ответила неплохо, получила одобрение, но еще не зачет. А жаль.

С одной стороны, хочется быстрее сдать сессию, с другой я понимаю, что каждая лекция – кирпичик в фундаменте будущей карьеры. К счастью или к сожалению, профайлер не может спрятаться за корочкой, ему нужны знания и чутье. Мы осваиваем глубинный курс психоанализа, юриспруденцию, изучаем десятки случаев и еще больше изучим до конца обучения. Мы имеем доступ к архивам и через некоторое время сможем посещать настоящих убийц, отбывающих свое наказание в тюрьмах и судебных клиниках города. Карлин готовит из нас экспертов мирового класса. Мы второй поток, но уже ходят слухи, что диплом этого факультета будет котироваться даже в США.

Впрочем, перелетать через океан я не собираюсь. Я хочу остаться в этом городе, в городе, который забрал у меня мать, перевернул мою жизнь, но показал мне самой мое истинное лицо.

– Кофе? – спрашивает подруга, поднимаясь с места и перебрасывая через плечо сумку. – У нас еще одна лекция, а

потом наконец можно домой. Как же я хочу спать!

– Могла бы и не ходить вчера на тусовку, тогда сама бы выспалась и мне не мешала.

– Нет, детка, – откликается Барбара, успевшая сбежать на несколько ступенек вниз. – Это ты могла бы хоть раз сходить на тусовку вместо того, чтобы сидеть над учебниками под присмотром телохранителей.

Я фыркаю.

Барбара не понимает моей тяги к знаниям и отсутствия интереса к общественной жизни. А я хочу всего и сразу. Но больше всего – разобраться. И не в тех, кого мы изучали на занятиях. В другом.

Нужно взять в библиотеке все, что получится, по отклонениям, связанными с водой. Делаю мысленную заметку и веду нас на парковку, где ждет телохранитель.

До уютной кофейни, расположенной в двух кварталах недалеко от зала суда, мы добираемся за десять минут. Здесь никогда нет студентов, только работники суда и те, кто ждет процесс, и почти всегда удается найти свободный столик.

Так случается и в этот раз. Барбара отправляется к стойке, а я успеваю занять небольшой столик на троих у окна, раскидываю вещи по стульям, чтобы никто не забрал их, и, усевшись так, чтобы бедром прижаться к пока еще чуть теплой батарее, вытаскиваю телефон. Через пару минут подруга возвращается с чеком, изящным движением сбрасывает пальто и опускается рядом.

– Карлин меня ненавидит, – заводит она любимую песенку.

Я смахиваю с экрана уведомление о пришедшем от отца сообщении, не читая, и поднимаю глаза на нее.

– Почему ты так решила?

– Реферат!

– Дополнительное задание – возможность получить зачет или проявить себя перед аудиторией и преподавателем. Что тебе не нравится?

Она поджимает пухлые губы.

– У меня были планы.

– Твои планы спокойно проведут вечер без тебя. Кто тебе важнее?

Ее глаза округляются, но ответить Барбара не успевает – бариста приносит заказ. Передо мной появляется большая чашка с капучино без добавок, а вот на шоколадный ужас перед подругой больно смотреть. Я не перевариваю такое количество сладкого, но почему-то Рув не просто поглощает его тоннами, но и не толстеет.

Конечно, ее за это ненавидят. Все.

– Конечно же профессор.

– Правильный ответ «мне важнее я, ведь я приехала учиться, а знания – это возможность построить карьеру и обрести независимость».

– Детка, учеба в Тревербергe для меня – возможность обрести свободу на несчастные пять или шесть лет. А потом

я вернусь домой и буду работать на отца – и то, если мне страшно повезет и он не решит продать меня какому-нибудь партнеру.

Впрочем, про своего «папашу» и его партнеров она особо не распространяется. Но не нужно обладать интуицией детектива, чтобы видеть дорогую одежду, машину, знать о подаренной квартире и периодически встречаться с кем-то, кого я бы отнесла к категории «телохранитель на полставки». Возможно, именно поэтому мы сходимся. За мной тоже следуют охранники, навязанные отцом.

– Ладно, прости, – примирительно поднимаю руки я, улыбаюсь и беру кофе. – Просто пытаюсь тебя поддержать.

– У тебя неважно получается.

Я пожимаю плечами и хочу ответить, но принимаю решение не делать этого. В конечном счете, это не мое дело и я не психолог, чтобы лезть ей в душу. Все равно вернется домой и займется рефератом, но сейчас ей явно надо поныть.

– Нет, Софи. Мы это уже обсуждали и возвращаться не будем.

– Но, Тони, мне нужен этот шанс!

Я поворачиваю голову, почувствовав, как внезапно ускорилось сердце. Барбара начинает какой-то рассказ, но осекается, заметив, что мое внимание улетучилось, я не смотрю на нее. Больше не смотрю.

Вот так встреча.

Антуан Клей останавливается у стойки, скользя глазами

по меню. Драповое черное пальто подчеркивает ширину его плеч, визуально удлиняя и без того высокую фигуру. Он уже стянул перчатки и теперь держит их свободной рукой. Длинная челка падает на глаза, когда он наклоняет голову, вчитываясь. Он настолько выделяется в этой маленькой кофейне, что я не сразу обращаю внимание на то, как по-свойски к нему придвинулась какая-то фифа с выкрашенными в рыжий волосами.

– Больше никаких шансов, Софи. Два латте с собой пожалуйста.

Он поднимает голову, улыбается бариста, расплачивается и замирает в ожидании заказа, явно не намереваясь оставаться здесь надолго.

– Тони…

– Ты хочешь обсуждать это сейчас? Здесь?

Девушка пожимает губы.

– Вот и прекрасно, – комментирует он. – Здесь варят чудесный кофе. Ты возьмешь свой и отправишься домой, проанализируешь все, что сегодня было. А завтра мы встретимся и спокойно поговорим. Идет?.

– Я…

– Идет? – холодно перебивает он таким тоном, что мурашки по телу бегут у меня.

– Эй, ты чего? – переходит на шепот Барбара, которая все это время молчит. Я с трудом отрываю взгляд от Клея, наклоняюсь к ней.

– Знакомый. Из прошлой жизни.

– Бывший, что ли? – восклицает она.

– Тссс…

Но закрывать ей рот уже поздно. Антуан слышит, но делает вид, что его здесь нет. Он смотрит прямо на свою спутницу, а я на него. Барбара на меня. Бариста в кофе.

Посетители друг на друга или в документы, телефоны или куда там еще смотрят люди, сидя в кофейне.

Короче, все чем-то заняты, только я чувствую себя донельзя глупо. Лихорадочно делаю глоток и прикрываю глаза, успокаиваясь. После самолета мы разошлись в разные стороны. Мы разделили друг с другом восемь часов ожидания и полтора часа в бизнес-классе, говорили обо всем на свете, потом я спала, устроившись на своих вещах. Но в Треверберге его встретили, он успел только взмахнуть рукой и ушел за каким-то мужчиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.